

ГОЛОСЪ
ЖИЗНИ
1915 № 7

1-й раз.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Цѣна № 12 коп.

На ст. ж. д. — 15 к.

СОДЕРЖАНИЕ № 7.

Обо всемъ: „Маленькая справка“, „Легкая дорожка“.
С. Городецкій. „Четыре пиши“ (разсказъ).
П. Шутяновъ. „Неоскандинавизмъ“ (статья).
Ольга Форшъ. „Марсельеза“ (разсказъ).
Д. Сидоровъ. „1870-й годъ и французская карриатура“ (статья).
Е. Псковитиновъ. „† Акакій Церетелли“ (статья).
Объ искусствѣ и литературѣ. (Вѣсти и мнѣнія.) „Полемика и дѣйствительность“. „Меценаты“.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
 9 иллюстрацій къ статьѣ Д. Сидорова, изъ „Альбома осады“. (Album du siège par Cham et Drumier. Paris. 1871.)
Онорэ Домье (1808—1879) (стр. 11, 13, 15, 17 и 18).
Камъ-де-Ноз (1814—1884) (стр. 12, 17).
М. Нечитайло-Андреевно „Тридцатые годы“ (стр. 19).
 „Голландскія суда XVII в.“, съ гравюры В. Холлара и Р. Зеемана (стр. 1 и 2).
 „Помѣстье гр. Поттокичъ-Вилляновъ“ (стр. 20).
10 военныѣ иллюстраціи: „Французскіе солдаты готовятъ обѣдъ“ (стр. 3). „Наблюдательный пунктъ по дорогѣ къ Эрзеруму“ и „Мирныя курды“ (стр. 4). „Английскій патруль“, „Установка прожектора“ (стр. 5). „Англ. офицеры въ траншеѣ“ (стр. 6). „Отправляются на позиціи“ (стр. 7). „Бельгійская жандармерія“ (стр. 8). „Авангардъ англійской колонны“ (стр. 9). „Англ. тяжелая артиллерія“ (стр. 10).
 Всего 22 иллюстраціи.

Адресъ Редакціи: Лиговка, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пятн. отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

Каждый подписчикъ получаетъ всѣ номера журнала „РОДИНА“ съ приложеніями, начиная съ № 1-го.

Лицъ, желающихъ получить при журналѣ „РОДИНА“ 20 добавочныхъ книгъ собранія сочиненій А. Д. АПРАКСИНА, просятъ ЯСНО УКАЗЫВАТЬ на это при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО взноса.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р. Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО), съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Открыта ПОДПИСКА на 1915 г. (37-й годъ издан.) на еженедѣльн. художественно-литературный семейный **ЖУРНАЛЪ**

„РОДИНА“

ОБИЛЕ И РАЗНООБРАЗІЕ материала для чтенія и иллюстрацій.
УЧАСТІЕ ВЫДАЮЩИХСЯ русскихъ писателей и художн. Въ 1915 г. подписч. получаютъ:

52 №№ ИЛЛ. **ЖУРНАЛА „РОДИНА“** съ повѣст., разск., стих., выдающ. писат. и многои картинами и рисунками.

52 №№ ИЛЛ. **„ВСЕМИРНОЕ СБОЗРѢНІЕ“** событій текущей жизни въ рисун. и описан.
52 №№ ИЛЛ. **„РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха“** юморист. разск., карриатуры, игры, забавы.

12 КАРТИНЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ по интереснымъ оригиналамъ.

40 ФОТОГРАВИЮРЪ съ картинъ выдающ. художн., на вкладн. листахъ мѣловой бумаги.

„РОДИНА“ тщательно отражаетъ современн. войну въ разсказахъ, рисунк., снимкахъ и въ особомъ приложеніи

„МЕДЪЛЯ ВОЙНЫ“ — обзоры военныихъ и политич. событій, подвиговъ, сраженій.

49 ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“ съ рисунками.
 12 №№ Новѣйшія МОДЫ (600 рисун.).
 12 №№ лист. выкроекъ. 12 №№ лист. рисунковъ разныхъ любительскихъ работъ и **ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ** на 1915 г. въ краскахъ.

80 КНИГЪ (8000 стран. текста)

26 КНИГЪ собранія сочиненій **В. ТИХОНОВА** выдающаго современн. беллетриста и драматурга, извѣстнаго

всей Россіи. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 90 романовъ и проч. **Первыя 16 книгъ полн. собр. сочин. В. ТИХОНОВА высыл. новымъ подписчикамъ за 2 р. съ перес. въ Европ. Россію и 2 р. 50 к. въ Азиатскую Россію.**

12 КНИГЪ иллюстр. **СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ** (не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ **ВОЕННЫЕ** и военно-историч. романы В. В. Муйжеля, А. Будищева, Л. Чарской, Е. Маурин, а также соврем. бытов. и историч. романы И. Н. Потапенко, кн. М. Н. Волконскаго, Б. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.).

18 КНИГЪ историческ. романовъ и повѣстей **Н. СЕВЕРИНА** высокоталантлив. автора историческихъ произведеній изъ жизни Россіи и Польши.

24 КНИГИ журнала „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ (до 500 разск., интерес. стат.)
 Подписная цѣна „РОДИНЫ“ съ прилож. и 80 книгами

За годъ безъ до- 7 р. Безъ до- 7 р. 50 к. Съ пере- 8 р. **РАЗСРОЧКА** 3 р. ставки въ Москвѣ ставки по Россіи первый взносъ

2 КАРТИНЫ

БОЛЬШІЯ ПРЕМИИ:
 1) „ШАЛОСТИ АМУРА“, 2) „ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА“. Художественно воспроизведенныя многими цвѣтными красками обѣ эти очаровательн. картины **БЕСПЛАТНО** будутъ даны подписч., которые до 15-го апрѣля 1915 г. внесутъ **ГОДОВОУ ПЛАТУ**.

Подробная ПРОГРАММА высылается бесплатно.

За ПОПЛАТУ ДРУХЪ рублей подписчикъ можетъ получить еще **20 КНИГЪ** со- **А. Д. АПРАКСИНА** 36 романовъ, повѣстей и разсказ., преимущественно изъ архаическаго и историческаго быта. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „РОДИНЫ“** со всѣми приложеніями и 100 книгами около 25000 стран., на которыхъ будетъ помѣщено болѣе 6000 иллюстрацій.
 Въ годъ безъ до- 9 р. Въ годъ безъ до- 9 р. 50 к. Съ пере- 10 р. **РАЗСРОЧКА** 4 р. ставки въ Москвѣ ставки по Россіи первый взносъ

ПОДПИСКА въ Анц. 0-вѣ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, д. 114, и Садовая, 20.

1783.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

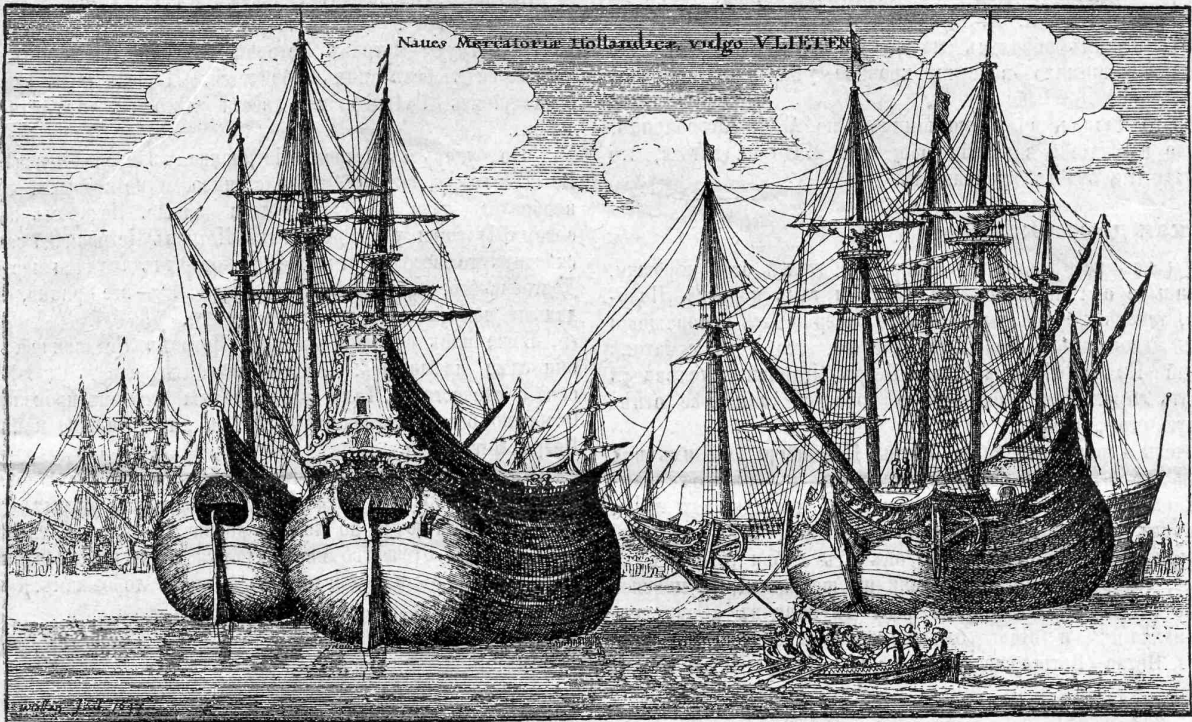
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЪЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 7

11 февраля 1915 г.

Голландскія суда XVII в.

Съ грав. В. Холлара.

ОБО ВСЕМЪ,

Маленькая справка.

Временно закрытое администраціей Императорское вольное экономическое общество основано было 31-го октября 1765 года. Пятнадцать особъ, „знатностью рода, довѣренностью монархей, опытностью въ сельскомъ хозяйствѣ или ученостью отличившіеся“, въ ихъ числѣ кн. Григорій Орловъ, гр. Воронцовъ и другіе, являются учредителями этого общества, до сихъ поръ помѣщающагося въ барскомъ особнякѣ екатерининскаго времени. Такимъ образомъ въ октябрѣ 1915 года общество должно было праздновать полуторавѣковую годовщину своей дѣятельности.

„Особы“, стоявшія послѣднее время во главѣ общества,

не отличаются такой „знатностью рода“, какъ екатерининскіе вельможи, хотя надо признать, что и сами основатели общества были въ нѣкоторомъ родѣ люди „новые“.

Съ первыхъ же дней мобилизаціи общество вступило въ полосу войны. Одинъ изъ сборныхъ мобилизаціонныхъ пунктовъ былъ въ помѣщеніи общества. Любопытно было видѣть екатерининскій залъ съ колоннами, населенный запасными. Надо замѣтить, что администрація общества со своей стороны сдѣлала все возможное, чтобы временные дорогіе гости чувствовали себя „какъ дома“. По окончаніи мобилизаціи общество сразу принялось за дѣло. Оно сочло долгомъ использовать знанія, вліяніе и связи своихъ сочленовъ, авторитетъ и популярность самаго общества для помощи общерусскому дѣлу народной войны. Былъ органи-

зованъ цѣлый рядъ отдѣловъ: продовольственный, лазаретный, кавказскій, польскій и др. На очередь были поставлены и общіе вопросы финансоваго характера. Профессора Бернацкій и Фридманъ, членъ Гос. Думы А. И. Шингаревъ, А. В. Пѣшеоновъ выступили съ обширными докладами на эту тему.

При этомъ надо имѣть въ виду, что ряды совѣта общества и дѣятельныхъ его членовъ очень порѣдѣли. Президентъ общества, М. М. Ковалевскій, находится въ плѣну, членъ совѣта гр. П. М. Толстой—въ дѣйствующей арміи, членъ совѣта кн. В. А. Оболенскій стоитъ во главѣ подвижнаго врачебно-питательнаго пункта. Кромѣ того недавно совѣтъ общества понесъ двѣ тяжелыхъ потери: убиты на войнѣ „охотникъ“ А. М. Рыкачевъ и капитанъ А. М. Колобакинъ. Такимъ образомъ можно по совѣсти сказать, что общество принимало воистину кровное участіе въ народной войнѣ.

30-го января, во время поминокъ по А. М. Колобакинѣ, пришло извѣстіе о закрытіи общества. Надо надѣяться, что это закрытіе будетъ временнымъ.

Легкая дорожка.

Мы ихъ встрѣчали и раньше, любителей этой дорожки. Но раньше она не была такъ легка и такъ коротка. Положимъ, теперь „время умалилось“ и совершаются превращенія почти мгновенныя. Любопытно все же, что и въ суматохѣ каждый Иванъ Ивановичъ или Петръ Петровичъ успѣваетъ выбрать самую для себя легкую дорожку, наиболѣе отвѣчающую его „чреву“.

Очень характерны такіе Петры Петровичи (мы ихъ все знаемъ по нѣскольکو шуткѣ): третьяго дня еще онъ увидался около зсь-дечества, осторожно, но искренне его любя; вчера онъ влюбился въ изящный кадетизмъ, да не на шутку, хоть жениться! Еще вечеромъ онъ отъ любви готовъ былъ на все, готовъ отдать всю жизнь на щедриноско-глумовское мудрое „гоженіе“, столь удавшееся Глумову въ „Современной идилліи“ и столь близкое вчерашнему „предмету“ сердца Петра Петровича. Сегодня Петру Петровичу не

до того, чтобы „годить“. Онъ и слово самое забыть. Сегодня—его „любовь, широкую, какъ море, вмѣстить не могутъ“ рѣчные берега. Онъ захлебываясь повторяетъ, какъ бывало Порфирій Головлевъ-Гудушка: „Голубчики! Все будемъ вмѣстѣ! Все по-родственному, помаленьку да полегоньку! Въ любви да въ согласіи! И вы, милый другъ маменька! Все-то, все мы!“.

Чувствуется правда за этимъ: „а ежели ты, такой-сякой, не хочешь—будь ты, анафема, прокляты!“ Но уста точатъ высокотожественный медъ, и на лицѣ—„подъемъ духа“.

Извѣстно, сколько Гудушка ни цѣловать ручку „милаго друга маменьки“, все было зря. Не было у нея къ нему довѣрія. Труды Петровъ Петровичей пропадутъ даромъ. Маменька ихъ безъ нихъ обойдется. И безъ нихъ сумѣютъ осчастливить Галлицю или вести дѣтопись отечественной войны.

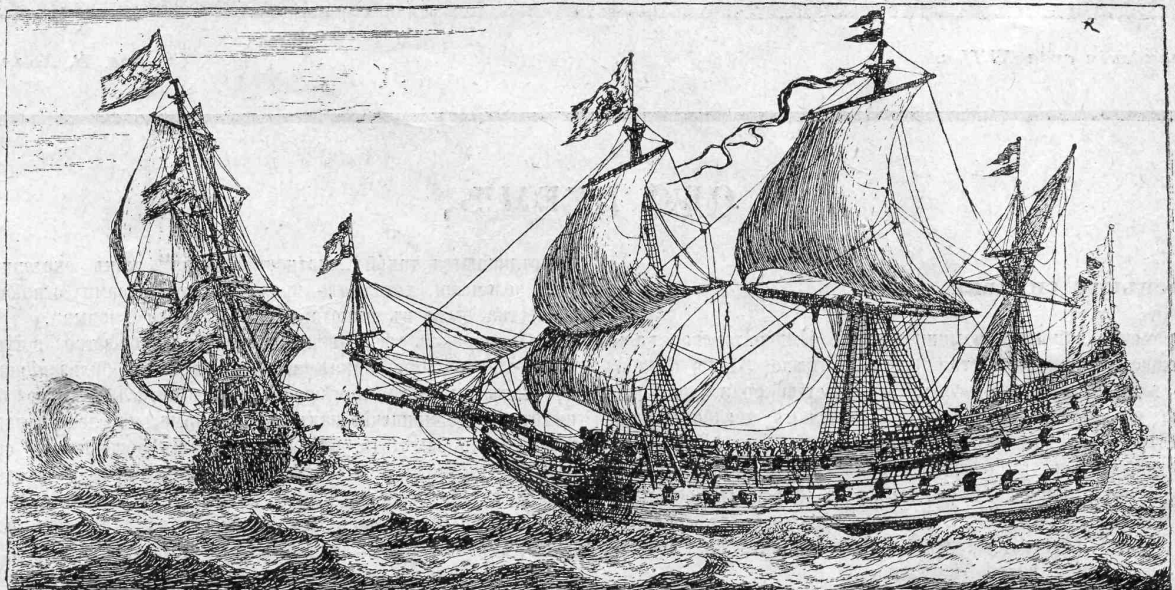
Что будетъ съ Петромъ Петровичемъ завтра—неизвѣстно. Во-первыхъ, „завтра“ не наступило, а во-вторыхъ, трудно вообразить, куда еще можно идти дальше. Недаромъ за пѣвосомъ Гудушки у современныхъ Петровъ Петровичей сегодня сквозитъ то веселое отчаяніе, съ которымъ визжали мертвецъ Достоевскаго: „заголимся, обнажимся!“—все равно, моль, дальше некуда намъ, и терять нечего.

Боже насъ сохрани назвать Петровъ Петровичей, какъ они сами называютъ: „оздоровляющими власть патріотами своего отечества“. Такия слова нельзя непутемъ произносить. Особенно безответственнымъ людямъ „настроенія“, какъ эти Петры Петровичи.

Именно безответственнымъ. Отечество требуетъ вѣрности. Рыцарской вѣрности служителей „Прекрасной Дамы“.

Люди, бѣгающіе по легкой дорожкѣ,—народъ слишкомъ ненадежный. Отечество не нуждается въ ихъ безпардонныхъ увлеченіяхъ, въ ихъ бѣганіи по легкимъ дорожкамъ.

ГЛЖ

Голландскія суда XVII в.

Съ гравюры Р. Зеемана.

Французскіе солдаты готовятъ обѣдъ.

С. ГОРОДЕЦКІЙ.

„ЧЕТЫРЕ ЦИЩИ“.

I.

Флоръ Ильичъ стоялъ предъ картиной Экмана, въ Обо, въ Национальномъ, только что выстроенномъ, музеѣ, воплотившемъ всю роскошь фантазій творца его, Сааринена.

Ужъ не первый день приходилъ сюда Флоръ Ильичъ стоять предъ картиной Экмана, а вся его неуклюжая фигура все еще выражала удивленіе и оторопь.

Никогда еще лохматая брови его не сморщивались такъ смѣшно надъ маленькими черными глазами. Никогда еще не напряглась такъ низкій, жирный лобъ. Вся сутулая, крѣпкая землѣ, его фигура никогда не стояла въ такой позѣ празднаго наблюдателя.

И чего? Картины, какой-то картины!

Флоръ Ильичъ смотритъ на картину! Домашніе глазамъ бы не повѣрили. Какъ? Раздѣваться, лѣзть по лѣстницѣ, къ тому же скользкой отъ новаго лака,

какъ ледяная гора, платить за входъ—правда, всего восемь съ половиной копеекъ, но и это вѣдь деньги—и все для того, чтобъ постоять предъ картиной!

Конечно картина замѣчательная, но не настолько же, чтобъ терять самого себя, свои привычки, свои повадки солидному, подъ пятьдесятъ годами, имѣющему доходное дѣло человѣку.

Флоръ Ильичъ досадливо мялъ каталогъ—порусски онъ хорошо зналъ, а каталогъ, прости Господи, написанъ былъ по-шведски,—но глазъ отъ картины не отрывалъ.

Картина Экмана изображала хороводъ.

Внутренность избы, большая уютная комната. Прямо предъ тобой сидитъ скрипачъ и съ хитрой такой рожей выкамариваетъ что-то такое, душу задирающее, что ноги сами въ ходъ идутъ. Молодежь подъ музыку его завела веселый хороводъ. И вѣдь экая досада! Замѣшались дѣти, и мальчишка не удержался на разбѣгѣ, споткнулся, упалъ и разорвалъ

Наблюдательный пункт.

Мирные курды.

хороводъ. Тшетно ближайше къ нему хотятъ его поднять, чтобы не прерывать пляски. Хороводъ ужъ прерванъ. Парень, рослый и розовый, не будь дуракъ, тянется поцѣловать прекрасную дѣвицу. Нѣтъ! Должно быть, уже поцѣловалъ, потому что мать дѣвица намахнулась на него тяжелой рукой: не озорничай, молъ, съ дѣвушками. Подальше остановилась дѣвченка-подростокъ съ такимъ же мальчишкой. Подростокъ—подростокъ, а глаза прехитрые, сама зардѣлась. Мальчишка-то еще ребенокъ, а она хоть замужъ. И нагибается надъ ней подвыпившій румяный старикашка. Вѣдь какіе они здоровяки, эти финны! Старикашка, а хоть куда. Посреди же хоровада пляшутъ двое. Свадьбу ихъ, что ли, справляютъ, или такъ просто отъ молодости разыгрались, но нѣтъ имъ удержа и горя имъ нѣтъ, что хороводъ разорвался. Пляшутъ и все тутъ. Себя забыли, ногъ не жалѣютъ, для нихъ видно и скрипитъ скрипачъ. Такъ расплясались, что красавцемъ и красавицей стали. А въ уголку, съ другой стороны, не тамъ, гдѣ скрипачъ, сидитъ гость, и хозяева угощаютъ его пивомъ, не пивомъ, а чѣмъ-то вкуснымъ и пѣнистымъ.

И много другого разглядѣлъ на картинѣ Флоръ Ильичъ: и очагъ, и старуху надъ нимъ, и наряды всѣ. Все разглядѣлъ, а понять не можетъ, чѣмъ картина приколдовала его и отчего на душѣ его, отягченной несчастьями, заботами и трудной жизнью, становится отъ этой картины легче и свѣтлѣе.

Спросилъ бы хоть у художницы, что со стѣны толстаго ребенка на свое полотно красками переводитъ, да совѣстно. Поборолъ бы и совѣстливость—да вѣдь не пойметъ ни слова, какъ никто тутъ ничего не понимаетъ въ этомъ Обо, или Або, или Турку... самъ чертъ не знаетъ, какъ этотъ городъ называется.

2.

По дѣламъ, по самымъ неотложнымъ дѣламъ приѣхалъ сюда Флоръ Ильичъ. Приѣхалъ-то нехотя, какъ

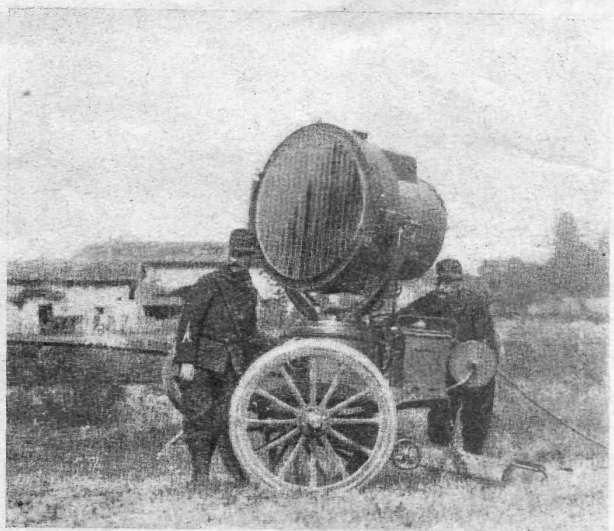
лошадь въ гору. Любилъ дома сидѣть, не беспокоиться ничѣмъ. Всю дорогу спалъ. Разбудили его послѣ полудня, высадили на станціи. Подѣхалъ къ нему финнъ въ капотѣ съ бараньимъ воротникомъ и огромной шапкѣ, отвезъ въ гостиницу—и началось.

Съ пустяка началось неприличіе-то.

Судите сами, приѣхалъ человекъ по дѣлу. Въ печали большой приѣхалъ, въ такой печали, что жизнь не мила была. Одного сына, старшаго, съ начала войны взяли. Сильно горевалъ Флоръ Ильичъ, хотя и былъ патриотомъ. Но стерпѣлъ. Былъ у него еще младшій, тоже сынъ, какъ сынъ. А теперь и младшаго взяли. Такъ это подломило Флора Ильича, что заскучалъ онъ даже, отъ дѣла отбился. Вдовѣлъ онъ давно, одинъ былъ, и самъ не зналъ, что сыновей такъ крѣпко любить, что жить безъ нихъ не можетъ. Запилъ бы, кабы вино было. Показалось ему, какъ сыновей-то взяли, что во всей жизни его нѣтъ никакой цѣны, ни толка. И подумывалъ онъ уже, самъ съ собой наединѣ разсуждая, что и во всей-то человѣческой жизни толка, можетъ быть, никакого нѣтъ, разъ можно сразу двухъ сыновей потерять. Онъ такъ и считалъ, что потерялъ ихъ, отправивъ воевать съ нѣмцами. Отъ угрюмыхъ думъ даже о веревкѣ сталъ вспоминать, на которой жена его повѣсилась. Пѣла она была, въ темномъ углу про черный часъ хранилась. Всякое вѣдь съ купцомъ бываетъ. Повѣсилась жена отъ измѣнъ его. А какъ ушла она въ землю,—пусть хоть земля ей легкой будетъ,—отшибло Флора Ильича отъ бабья. Смотрѣть ни на кого не хотѣлъ, сколько ни подвертывалось ему невѣсть и сожителиницъ. И свахи захаживали всякія, и тѣ, что въ законъ считаютъ, и тѣ, что мамзелей подбираютъ. Всѣхъ гналъ Флоръ Ильичъ и жилъ одинъ, какъ перстъ. И немало годовъ такъ прожилъ, и на человекъ похожимъ не переставалъ быть. Когда же взяли на войну у него сыновей, весь свой обликъ онъ потерялъ, потемнѣлъ съ кожи и въ костяхъ присутулился. Тогда-то компаньоны его и отправили его въ Обо, по общему дѣлу.

Англійскій патруль.

Установка прожектора.

Не думалъ Флоръ Ильичъ, соглашаясь ѣхать, что можетъ что нибудь на свѣтѣ разогнать его темныя думы. Неприличнымъ къ тому же казалось ему въ его положеніи печаль свою терять и разбивать.

Но неприличіе началось съ самаго того момента, какъ онъ вошелъ въ веселенькую, ловко и чисто прибранную, комнату гостиницы.

Снялъ онъ шубу, раскрылъ тяжелый чемоданъ, поставленный на козла, подивился всему устройству. Подошелъ къ умывальнику, видитъ, надъ умывальникомъ надпись на трехъ языкахъ, и русскомъ въ томъ числѣ. Обрадовался онъ русскому, прочелъ:

«Рекомендуемъ кофейную и столовую. Одинъ одишъ столъ и 4 поваренныя пищи съ кофеомъ 3 марки».

«Порціи выдаютъ весь день согласно благоизбранной карты».

Ну, что тутъ смѣшного, что финны не умѣютъ правильно писать по-русски? Для солиднаго, а тѣмъ болѣе печальнаго человѣка никакого смѣха въ этомъ быть не можетъ.

Однако Флоръ Ильичъ разсмѣялся такъ, какъ много лѣтъ не смѣялся. «Четыре поваренныя пищи!» Это что-жъ такое? Неужто «четыре горячихъ блюда»? Ну, и ловко! Смѣхачу журнальному не придумать. Попадись такая штучка иному строчилѣ, такъ разскажь изъ нея выдѣлаеть, а ты потомъ гривенникъ плати, чтобъ прочесть. А тутъ даромъ «четыре поваренныя пищи!» Надо пойти посмотреть.

И до того нахохотался Флоръ Ильичъ, что сильный голодъ почувствовалъ. Къ «одшему столу» вышелъ въ большомъ аппетитѣ. И всему честь отдалъ, и всѣ четыре пищи уплесть. И все время смѣхъ не оставлялъ его. А вмѣстѣ со смѣхомъ закопошились въ немъ и другія, давно дремавшія, чувства. Послѣ хорошей ѣды вспомнилъ онъ о богатырскомъ своимъ здоровьѣ, потянулся сладко. Трубку купилъ, закурилъ на улицѣ морского воздуха глотнулъ. И пошло, и пошло. Началось съ пустяковъ неприличіе—со смѣшной подписи,—а дошло до музея.

3.

Показались совсѣмъ новыми Флору Ильичу обычныя, здоровыя, человѣческія чувства; смѣхъ, сила, голодъ, сонъ, здоровье—все это показалось ему новымъ, и все это назвалъ онъ самъ для себя «четыре пищи».

И все въ незнакомомъ городѣ стало для него «четыре пищи».

Удивлялся онъ финской дѣтворѣ. Куда ни глянь, вездѣ бѣжали, шли, играли, копошились сильныя, краснощекія дѣти.

— Ишь ты, четыре пищи! — изумлялся Флоръ Ильичъ:—потомство какъ раскармливаютъ! А оно не худо. Особенно теперь, послѣ войны.

И ныло въ немъ осиротѣвшее сердце, неистраченные отцовскія чувства требовали выхода.

Думалъ онъ:

«Кабы я былъ финномъ такъ навѣрно въ мои годы былъ бы хоть куда. Вѣдь тому старикашцѣ на картинѣ подъ шестьдесятъ, а мнѣ только пятый десятокъ идетъ».

И начиналъ онъ чувствовать, что и, не будучи финномъ, онъ—хоть куда. Четыре пищи, да и только.

Видя финку въ шляпѣ, которая хорошенькой лопаткой сбрасывала просѣянный песокъ на скользкій троттуаръ, тѣмъ же словомъ выражалъ свое смущеніе Флоръ Ильичъ:

— Ишь ты, четыре пищи! Въ шляпѣ! И песокъ просѣяла. Да у насъ Невскій комками кое гдѣ посыпаютъ.

Нравилось ему все это и возбуждало любопытство къ жизни, да и не хотѣлъ онъ или не умѣлъ сознаться себѣ въ этомъ.

А въ музей все ходилъ и ходилъ.

Въ первый разъ, какъ онъ вошелъ въ него, стало ему очень стыдно:

— Ишь ты, четыре пищи! Голыхъ сколько! И тошя, и тонкія, какъ есть вправду, какія бывають, такія и тутъ.

Англійскіе офицеры въ траншеяхъ.

И было ему стыдно до тѣхъ поръ, пока онъ не паткнулся на кучу школьной молодежи, восхищавшейся, вмѣстѣ со своей старухой-руководительницей, статуей Айно.

— Айно да Айно, а что такое—не понять. А видно, что дѣти подлѣ присмотрѣмъ пришли, значить, не худо смотрѣть.

И сталъ онъ самъ подымать робкіе глаза на творенія художниковъ, влюбленныхъ въ красоту человеческого тѣла.

Осмѣлѣвалъ все больше, комнату за комнатой осматривалъ, пока не нашелъ картины Экмана, заполонившей его воображеніе.

— Живутъ, четыре пищи! И все имъ нипочемъ. Тутъ страдаешь и бьешься, сохнешь, а они живутъ.

Такъ раздумывалъ Флоръ Ильичъ и въ одну изъ самыхъ дерзкихъ своихъ минутъ вдругъ рѣшилъ:

— А что если, четыре пищи, и я такъ стану?

Крѣпко засѣла эта мысль ему въ голову. Съ жаромъ принялся онъ за свои дѣла. Пошли они, какъ по маслу.

4.

Если правду сказать, такъ не одну только картину Экмана ходилъ смотрѣть Флоръ Ильичъ.

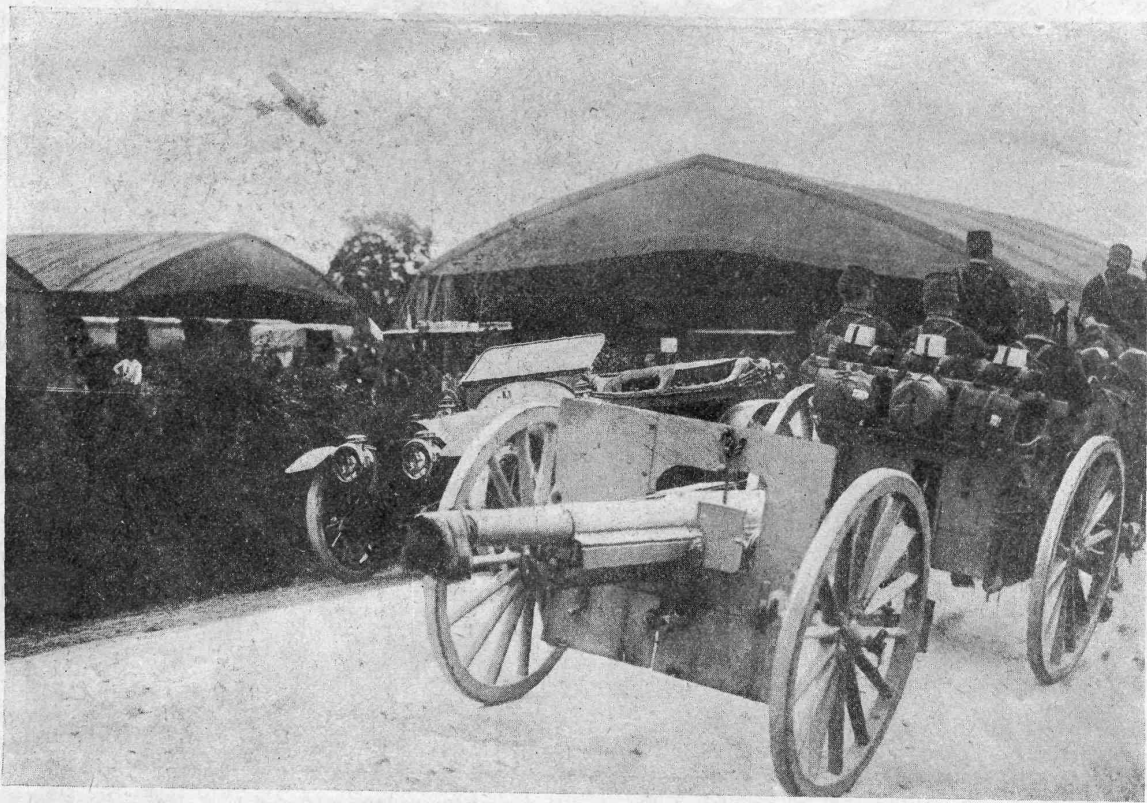
Въ той же комнатѣ копировала голову ребенка молодая женщина, небольшого роста, крѣпко сложенная, съ золотисто-бѣлыми волосами, съ голубовато-бѣлыми глазами, съ проворными, короткими ручками.

Кабы хоть слово одно зналъ Флоръ Ильичъ фински, онъ бы давно сказалъ его этой дѣвушкѣ. Онъ замѣтить не успѣлъ, какъ она ему понравилась.

Въ первый разъ, когда онъ глянулъ на нее, оторвавшись отъ своей любимой картины, показалось ему, что она съ этой картины соскочила. Онъ не могъ никакъ найти, которой именно дѣвушкой была она на картинѣ, но, что она тамъ была, онъ ни минуты не сомнѣвался. Въ ней было то же самое, что въ картинѣ, то неизвѣстное, что волновало Флора Ильича и что могъ назвать онъ только такъ: четыре пищи.

Замѣтивъ дѣвушку, Флоръ Ильичъ сталъ дѣлить свое вниманіе между картиной и ею. Въ тотъ же день, когда ему понравилась художница, онъ пошелъ въ парикмахерскую и далъ обоскому маэстро проявить все свое дѣйствительно высокое искусство надъ своей непритязательной и оброставшей, какъ попало, физиономіей. Вышелъ онъ изъ салона выбритый дочиста, неожиданно помолодѣвшій и потолстѣвшій, съ математически-точнымъ проборомъ на головѣ.

Весь этотъ день, весь вечеръ и даже ночью, между сномъ, делѣялъ онъ мечту о томъ, какъ онъ подойдетъ къ финкѣ и жестами попроситъ написать его портретъ, какъ она покраснѣетъ и согласится, какъ потомъ она придетъ къ нему работать, какъ работа затянется надолго, какъ потомъ она поѣдетъ въ Петроградъ и какъ потомъ... Флоръ Ильичъ даже

Отправляются на позиции.

въ мечтахъ своихъ дальше портрета ничего не зналъ. Онъ зналъ только одно, что это будетъ то самое, что въ картинѣ, что въ финскихъ дѣтяхъ, что во всемъ Обо, короче сказать, это будетъ «четыре пищи». Подробностей же никакихъ онъ и представить себѣ не могъ.

Все-таки у него хватило силы все слѣдующее утро отдать дѣламъ и даже закончить ихъ какъ нельзя лучше.

Подкрѣпившись въ ресторанѣ, гдѣ выбранное, какъ всегда наугадъ, блюдо оказалось чѣмъ-то вродѣ пудинга изъ телячьей печенки съ изюмомъ и сахаромъ, онъ пришелъ въ музей.

Посмотрѣвъ для смѣлости на свою картину, онъ направился къ художницѣ. Она сидѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, и работала.

Подойдя близко, Флоръ Ильичъ осклабился и, оттопыривъ локоть, провелъ среднимъ пальцемъ вокругъ физиономіи своей, а потомъ постучалъ по мольберту. Вслѣдъ за тѣмъ лицо его приняло жалобное, не то дѣтское, не то собачье выраженіе. Отказъ былъ бы концомъ всего.

Художница весело засмѣялась и сказала:

— Вы хотите, чтобы я написала вашъ портретъ?

Она говорила по-русски, и довольно чисто.

Если бы Флоръ Ильичъ увидѣлъ себя въ той комнатѣ, въ томъ хороводѣ, на картинѣ, онъ былъ

бы не такъ ужасно изумленъ. Неясныя бормотанья вырвались изъ его рта:

— Ахъ, ты, чертъ возьми! Вотъ тебѣ и четыре пищи!

— Что вы говорите?—озаботилась художница, клая палитру.

Весь вспотѣвшій, красный, Флоръ Ильичъ, какъ снарядъ изъ пушки, полетѣлъ изъ комнаты, въ другую, внизъ по лѣстницѣ, одѣлся и помчался подъ гору, внизъ на площадь.

Увидѣвъ старухъ, мирно торговавшихъ колбасой и вяжущихъ свои чулки, онъ немного успокоился.

— Вотъ тебѣ и четыре пищи! Сорвалось!

Почему собственно сорвалось, онъ не зналъ, но мечта его требовала, чтобъ дѣвушка не была по-русски.

Набивая трубку за трубкой, онъ медленно приходилъ въ себя. Въ пять часовъ былъ поѣздъ, онъ съ нимъ выѣхалъ.

Подъѣжая къ Петрограду на другое утро, онъ былъ вполне уже хладнокровенъ, полнъ силъ и доволенъ поѣздкой.

— Хорошо, четыре пищи, съѣздить! И на кой мнѣ чертъ финка? Какъ бы я съ ней разговаривалъ? И неужели мало русскихъ?

Сергій Городецкій.

Бельгійская жандармерія.

П. ШУТЯКОВЪ.

НЕОСКАНДИНАВИЗМЪ.

Одной изъ характерныхъ чертъ скандинавскихъ государствъ—Швеція, Данія и Норвегія—является то, что они никогда не жили дружно между собою. При всемъ своемъ близкомъ родствѣ, они всегда глядѣли врозь, даже когда историческія условія объединяли ихъ въ одно цѣлое. Причины этому много, и онѣ не исчезли и теперь. Начать съ того, что Швеція смотритъ на Германію какъ на своего естественнаго защитника на случай войны съ Россіей, близостью которой такъ настойчиво пугали шведовъ націоналистическіе демагоги вродѣ Свена Гедина. Данія, наоборотъ, видитъ въ Германіи, отнявшей у нея Шлезвигъ, своего главнаго врага. Норвегія, въ свою очередь, больше всего тяготеетъ къ Англіи. Ея отношенія къ Швеціи послѣ разрыва уніи были столь натянуты вплоть до недавняго времени, что норвежцы подумывали даже уступить одинъ изъ своихъ незамерзающихъ портовъ въ сѣверной Норвегіи Россіи съ тѣмъ, чтобы Россія взяла ее подъ свою защиту на случай нападенія Швеціи. Очень холодны были и отношенія между скандинавскими дворами. Шведскій дворъ прямо бойкотировалъ норвежскаго короля. Это не могло конечно не отразиться и на отношеніи шведскаго двора къ близкому

юной норвежской династіи датскому двору. И скандинавскія государства жили каждое своей особой жизнью, не чувствуя никакой потребности въ сближеніи или объединеніи. Одни только шведы, особенно сторонники консервативныхъ теченій, косо поглядывали на Норвегію, дерзнувшую вырваться изъ-подъ шведскаго владычества, и мечтали съ оружіемъ въ рукахъ вернуть ее обратно. Но это были явно несбыточныя мечты, о которыхъ трудно было говорить серьезно.

Нынѣшняя война сразу измѣнила все положеніе.

Она выдѣлила скандинавскія государства въ одинъ изъ немногихъ нейтральныхъ острововъ, уцѣлѣвшихъ среди бушующаго моря непримѣрной войны. Она создала для нихъ одинаковыя тревоги, поставила въ одинаковыя условія и властно объединила ихъ рѣзко до тѣхъ поръ расхолодившіяся интересы.

Ни одно изъ скандинавскихъ государствъ не хотѣло быть вовлеченнымъ въ борьбу. Даже Швеція, въ которой могущественная консервативная партія настоятельно требовала присоединенія къ тройственному союзу, не сочла возможнымъ уклониться отъ строгаго нейтралитета, несмотря на то, что въ это время у власти находился консервативный кабинетъ,

Авангардъ английской колонны.

Но все скандинавскія государства очутились предъ опасностью быть вовлеченными въ войну помимо своей воли и своего желанія. Все они начали лихорадочно готовиться къ отпору на случай непріятельскаго вторженія или нарушенія ихъ нейтралитета. Особенно Швеція. Подъ первымъ впечатлѣніемъ взрыва міровой войны она произвела мобилизацію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какіе только допускала ея военная организація, и приняла рядъ чрезвычайныхъ мѣръ, вродѣ запрещенія доступа на шведскую территорию для русскихъ, пріѣзжающихъ изъ Россіи, и для нѣмцевъ, прибывающихъ непосредственно изъ Германіи.

Эти опасенія непріятельскаго вторженія скоро оказались сильно преувеличенными. Вооруженная защита своей неприкосновенности не понадобилась ни одному изъ скандинавскихъ государствъ. И всего менѣе Швеція, которая, спустя немного времени, сочла даже возможнымъ распустить болѣе часть мобилизованныхъ войскъ. На смѣну исчезнувшей, ложной тревогѣ явились однако другія, не столь грозныя, но тѣмъ болѣе настоятельныя и ощутительныя опасности.

Не участвуя въ войнѣ непосредственно, все скандинавскія государства оказались вовлеченными въ нее косвенно. Вся экономическая жизнь ихъ очутилась въ новыхъ, подчасъ очень тягостныхъ, условіяхъ. Торговля сношенія не только съ воюющими государствами, но также и съ заокеанскими странами оказались весьма затруднительными. Въ стремленіи затруднить подвозъ жизненныхъ припасовъ, металловъ и матеріаловъ военнаго снаряженія во враждебныя государства, воюющія державы не могли не задѣть интересовъ и нейтральныхъ странъ, и притомъ во многихъ случаяхъ очень чувствительно. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ Англійей для ограниченія снабженія хлѣбомъ Германіи, мѣръ воплотивъ понятныхъ и цѣлесообразныхъ, конечно оказался недостатокъ хлѣба также и въ скандинавскихъ государствахъ. Съ другой стороны,

Германія, недовольная тѣмъ, что торговля сношенія Западной Европы съ Россіей направлены черезъ Норвегію и Швецію, рѣшила наказать Швецію тѣмъ, что объявила военной контрабандой идущій въ Англію хлѣбъ. Это причинило шведской торговлѣ многомиллионные убытки. Тяжелый удар нанесла Германія Швеціи и тѣмъ, что, вопреки прямому обѣщанію не препятствовать рейсамъ шведскихъ пароходовъ въ финляндскія гавани, германскія военныя суда разбросали мины у входа въ Мянтілуото. Въ результатъ погибли четыре шведскихъ парохода и около полусотни людей. Если къ этому прибавить, что почти нѣтъ такого предмета ввоза и вывоза, транспортъ котораго не оказался бы сильно ограниченнымъ условіями военнаго времени, то можно представить себѣ, какъ сильно даетъ себя знать тяжкая зависимость отъ міровой войны. За истекшіе шесть мѣсяцевъ войны правительства скандинавскихъ государствъ непрерывно вели переговоры съ воюющими государствами для того, чтобы добиться смягченія или отмѣны военныхъ мѣропріятій въ свою пользу. Во многихъ случаяхъ переговоры эти имѣли успѣхъ, въ другихъ, еще болѣе многочисленныхъ, оказывались безплодными. Но общій итогъ ихъ оказался для скандинавскихъ государствъ малоутѣшительнымъ. Положительныхъ результатовъ имъ удавалось достигнуть обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ свою очередь могли оказать данному воюющему государству услугу или по меньшей мѣрѣ путемъ специальныхъ мѣръ гарантировали, что предназначенный для нихъ товаръ не попадетъ въ непріятельскую страну. Возникла цѣлая система запрещенія вывоза тѣхъ или другихъ товаровъ, которые только подъ этимъ условіемъ можно было получить. Но все это, какъ уже сказано, не могло избавить скандинавскія государства отъ затрудненій и прежде всего не избавляло отъ угрозъ и давленій, которыя особенно практиковались Германіей съ цѣлью добиться уступокъ въ свою пользу.

Англійская тяжёлая артиллерія.

Вот эти общія затрудненія и явились почвой, на которой создалось въ скандинавскихъ странахъ новое политическое теченіе, направленное къ установленію между скандинавскими государствами извѣстной общности, извѣстнаго взаимодѣйствія и взаимной поддержки. Насколько настоятельна была потребность въ этомъ, видно уже изъ того, что починъ осуществленія этой программы взяла на себя Швеція. По инициативѣ шведскаго короля состоялось въ Мальме свиданіе скандинавскихъ монарховъ,—событіе, въ теченіе восьми вѣковъ не имѣвшее прецедентовъ. Лаконическія официальные сообщенія о задачахъ и результатахъ этого свиданія дають лишь слабое представленіе о его дѣйствительномъ значеніи. Но изъ всей его обстановки, изъ обстоятельствъ, которыми оно было вызвано, и изъ официальныхъ заявленій, ставшихъ извѣстными послѣ него, можно по всей видимости сдѣлать слѣдующій выводъ:

„Неоскандинавизмъ“,—такъ окрещено въ скандинавскихъ странахъ это теченіе,—стремится найти дѣйствительные способы защиты общихъ интересовъ скандинавскихъ государствъ. Кромѣ этихъ общихъ интересовъ, у нихъ много и другихъ, которые сильно расходятся. Но общіе интересы важнѣе, и главнѣйшимъ изъ нихъ является сохраненіе нейтралитета. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что взаимное сближеніе

скандинавскихъ государствъ содѣйствуетъ упроченію ихъ нейтралитета и въ частности является противовѣсомъ стремленію очень вліятельной политической группы въ Швеціи сдѣлать даже нейтралитетъ орудіемъ для поддержки Германіи, другими словами, сдѣлать нейтралитетъ недоброжелательнымъ по отношенію къ державамъ тройственнаго согласія и доброжелательнымъ по отношенію къ Германіи. Совмѣстная политика трехъ скандинавскихъ государствъ должна быть болѣе благоприятной тройственному согласію, чѣмъ политика обособленной отъ остальныхъ скандинавскихъ государствъ Швеціи. Несомнѣнно, что Швеція дала на этотъ счетъ въ Мальме совершенно опредѣленные завѣренія.

Каково будетъ дальнѣйшее развитіе „неоскандинавизма“, оставитъ ли оно прочный слѣдъ на взаимоотношеніяхъ скандинавскихъ государствъ, или явится лишь преходящей политической комбинаціей, сказать пока невозможно. Но возникновеніе его въ такой моментъ, какъ нынѣшній, въ моментъ, когда скандинавскимъ государствамъ приходится особенно вдумываться въ складывающуюся вокругъ нихъ политическую обстановку, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ далеки они отъ желанія испробовать на себѣ „организационные таланты“ нѣмцевъ, какъ это совѣтывалъ имъ совершенно серьезно знаменитый химикъ В. Оствальдъ.

П. Ш.

Оресте Домье (1808—1879).

Изъ „Альбома осады 871 г.“.

Камъ (de Ноэ, 1819—1884). Изъ „Альбома осады 1871 г.“.

Камъ (de Ноэ, 1819—1884). Изъ „Альбома осады 1871 г.“.

ОЛГА ФОРШЪ.

МАРСЕДЬЕЗА.

Когда лавочнику Гордѣю Карпычу прислали изъ Москвы наложеннымъ платежомъ посылку, онъ сейчасъ же погналъ мальчишку за полицейскимъ Сверчукомъ. Сверчукъ былъ пріятель Гордѣя Карпыча, такой же, какъ и онъ, любитель музыки, и распахивать безъ него долгожданные кружки граммофона было бы не по-товарищески.

Сверчукъ съ утра былъ на любимомъ своемъ базарчикѣ противъ станціи и, такъ какъ дѣло вышло между двумя поѣздами и его Дунька не торговала, оба сидѣли рядкомъ на пустомъ ящикѣ и наперегонку лушили сѣмячки, ставя на закладъ карамель «Иру» тому, кто шелуху сплюнетъ дальше.

— Ой, врешь! — вскрикнулъ радостно Сверчукъ, когда запыхавшійся мальчишка передалъ ему порученіе лавочника, и, не глянувъ на Дуньку, зашагалъ въ лавку, придерживая рукой тяжелую шапку.

Толстый Гордѣй Карпычъ, держа наготовѣ большія клещи, увидя пріятеля, заколыхался веселымъ смѣшкомъ:

— Дражайшіе гости, Сверчукъ, самоличноше изъ Москвы... дьяконъ Розовъ, Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ...

— Давай я, ты еще ихъ царапнешь, — сказалъ, блѣднѣя отъ волненія, Сверчукъ, взявъ клещи изъ бѣлыхъ,

пухлыхъ пальцевъ Гордѣя Карпыча, похожихъ на личинки майскихъ жуковъ, ловко вывернулъ гвозди и бережно высвободилъ кружки граммофона изъ бумаги.

— Боже мой, Боже мой! Шѣвица Вальцева, два Шаляпина, румынскій оркестръ... — жмурясь, какъ толстый котъ, стоналъ Гордѣй Карпычъ, — столица, Сверчукъ, вся столица!

— Дьякона Розова нѣтъ, что-жъ это ты? — сказалъ вдругъ съ такой обидой Сверчукъ, что Гордѣй Карпычъ спустилъ съ лица улыбку и, подгребая къ себѣ кружки, сталъ озабоченно класть ихъ стопочкой, какъ блины:

— Десять чернушекъ, Сверчукъ, какъ заказано; тутъ дьяконъ Розовъ, тутъ онъ!

— Нѣтъ дьякона! — и, отойдя къ бочкѣ съ соевыми огурцами, Сверчукъ продолжалъ горячасъ: — не ожидалъ я отъ тебя такого афронта, Гордѣй Карпычъ, а еще пріятель!

— Да вѣдь ихъ же десять, — не славаль Гордѣй Карпычъ, — десять мы ихъ и выписывали.

— Будучи знатокъ въ музыкѣ, я тебѣ рекомендовалъ стоящіе кружки, но писалъ ты одинъ, помни это, — значительно подчеркнулъ Сверчукъ, — я — должностное лицо, я бы себѣ не позволилъ... да я и забылъ, какъ она прозывается, сейчасъ только и припомнилъ.

— Царица Небесная, — неожиданнымъ бабыимъ голосомъ пискнулъ Гордѣй Карпычъ, — ничегошеньки въ толкъ не возьму!

Сверчукъ подошелъ опять къ стойкѣ, пошарилъ въ черныхъ кружкахъ и, отдѣливъ одинъ, поднесъ его Гордѣю Карпычу:

— Вотъ за эту самую отвѣтъ и неси, дѣло мое—сторона, я, братецъ мой,—должностное...

— Мар-се-лезза... — прочелъ съ изумленіемъ лавочникъ, — ей-Богу, Сверчукъ, впервой слышу, должно въ Москвѣ подшутили аль перепугали. А что-жъ она, развѣ того... непотребная?

— Хуже, — сказалъ все еще недоувѣрчивый и раздраженный Сверчукъ, — она — запрещенная.

Однако сердце — не камень, приятели помирились. Гордѣй Карпычъ такъ жалостно причиталъ, складывая на толстомъ животѣ бѣлые, пухлые пальцы, съ такимъ трудомъ выговаривая незнакомое слово, что пришлось Сверчку повѣрить въ его невинность. Кружокъ рѣшили отослать обратно, взаменъ требуя дьякона Розова.

Агафоклея подала приятелямъ самоварчикъ, красную пастилу и лимонъ; выпили, размягчались, пустили въ первую голову Вяльцеву.

«Умчи-мся въ края»... — выводитъ Вяльцева, и мечтаютъ приятели: Гордѣю Карпычу чудится, идетъ онъ мальчишкой съ покойной матушкой, странницей-богомолкой, идетъ — просторъ кругомъ, вечерѣтъ, огоньки табора краснымъ макомъ цвѣтутъ, цыгане оглобли вздернули, кулешъ варятъ; у цыганъ этихъ и заночуютъ, а на завтра дальше. Легко, цриволиво, словно крылатый, идешь, и все тебѣ праздникъ, все радость.

— Бож-же мой, Бож-же, — томится Гордѣй Карпычъ сладкой болью о минувшей свободѣ, и жалко ему себя, теперешняго, закрѣпощеннаго въ лавкѣ, оплывшаго, стараго чловѣка.

Сверчукъ, красный отъ чая и отъ разнѣжившей музыки, смотритъ въ окошко на пылающій подъ за-

катомъ лѣсъ; скуластое молодое лицо его подрагиваетъ и поволокой берутся глаза. Припоминаются ему разныя барыни — пассажирки, какихъ за два года своей службы на станціи удалось ему увидеть, иной разъ оказать услугу; видится ихъ походка, въ перчаткахъ ручки, духи, кружева, и знаетъ онъ сейчасъ, что влюбленъ онъ не въ базарную Дуньку, а вотъ въ такую шикарную, и она — въ него. Это — не Вяльцева въ граммофонѣ, это — шикарная барыня, обмахиваясь кружевнымъ вѣромъ, какъ одна лѣтомъ въ купѣ, поетъ ему, Сверчку: «и будемъ мы тамъ дѣлать пополамъ и радость, любовь и блаженство».

Послѣ Вяльцевой переживаютъ каждый по-своему марши, вальсы «На землѣ весь родъ людской». Въ концѣ ставятъ «Дубинушку».

«Мой великій наро-одъ...», — не жалѣя богатства, какъ царь, покрылъ Шалапинъ голосомъ хоръ, хрипъ граммофона, гамъ улицы. Дрогнувъ и прослезился Гордѣй Карпычъ, не снесъ и Сверчукъ: выпятилъ грудь, да какъ хватить заодно съ хоромъ: «Эй, дубинушка, у-хнемъ!».

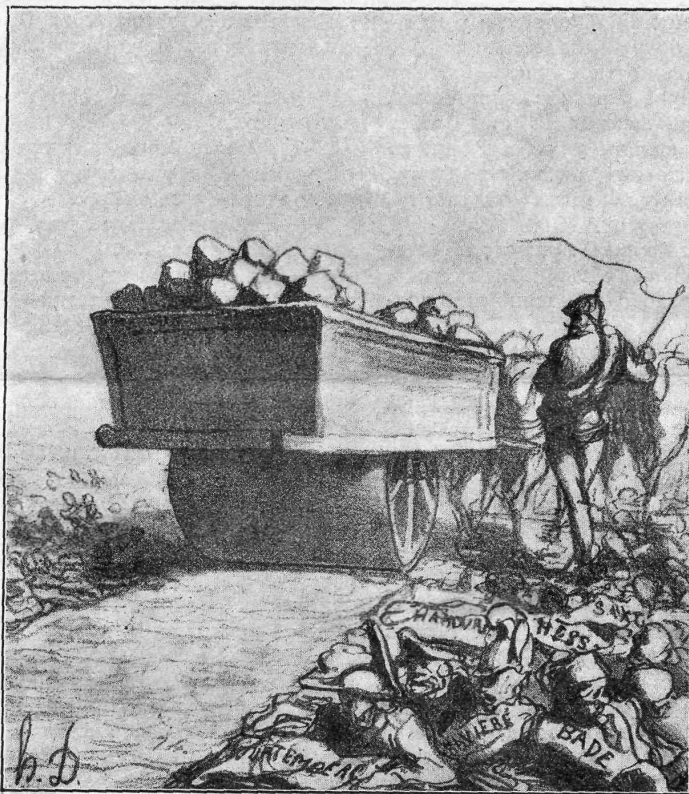
— Ахъ, нѣтъ, Сверчукъ, — говоритъ слабымъ теноромъ Гордѣй Карпычъ, — другой разъ ее послѣдней не ставь, такъ душу всю и расперло... не хорошо къ ночи, не уснуть. «Дунайскія» вотъ «волны», — ихъ лучше нѣтъ въ концѣ: ладъ ихній забираетъ съ поверхно-

сти, полегонечку, плывешь — ровно въ зыбкѣ дитѣ, ни тебѣ разстройства, ни жалости...

— Я программочку дома составляю, по номеркамъ, — общается Сверчукъ, — ну, до завтрашняго, до пріятнаго!

И приятели цѣлуются.

Такъ каждый вечеръ лавочникъ Гордѣй Карпычъ и полицейскій Сверчукъ обогащали свою бѣдную событиями жизнь, вкрапывая въ однообразную ткань ея, какъ великолѣпные радуги въ дождливомъ небѣ, волшебные кружки музыки, пробуждая ими всѣ грезы и порыванья своей души.

О. Домье. Германское единство. Изъ „Альбома осады 1871 г.“.

Но когда кружки граммофона были переиграны езконечное число разъ, а вызываемые ими образы не пополнялись въ воображеніи пріятелей новыми,— оба изъ творцовъ стали просто слушателями и заскучали. У Сверчука радостное чувство черезъ край бьющей жизни смѣнилось всегда ему нестерпимое ощущение бездѣлья; а Гордѣй Карпычъ, прохладно хваля пѣвцовъ и оркестры, опять привычно и тяжело сталъ носить въ душѣ своей всю невыплаканную неудачу своей жизни. И, не умѣя разобраться и назвать, что случилось, оба просто, заразъ догадались: «Надо-бъ новыхъ кружковъ!».

— Скоро-ль пришлютъ, Гордѣй Карпычъ, дякона Розова?—спросилъ полицейскій.

И замаявшись промямлилъ лавочникъ: «Да пришлютъ ужъ!»: Сверчукъ глянулъ на пріятеля и понялъ, что марсельезу тотъ все еще не послалъ.

— Ежели-бъ я—не должностное лицо...—началъ Сверчукъ раздумчиво и вдругъ запнулся; припомнилъ, какъ урядникъ еще недавно наказывалъ ему особое наблюденіе за двумя тамъ какими-то: «Безъ чемодановъ прѣехали, на керосинкѣ обѣдъ сами стряпаютъ, въ лѣсу, гдѣ подальше, сойдутся, «дѣла» обдѣлаютъ, марсельезу сгорланять...»

— «Мар-се-льеза»,—долго училъ примѣту поднадзорныхъ Сверчукъ, и понравилось слово, жалѣлъ даже, когда позабылъ; анъ тутъ слово нежданно само подвернулось.

— Я—липо должностное,—твердитъ, самъ отъ себя защищаясь, Сверчукъ, а уже въ пальцахъ запрещенную чернушку вертитъ: нацарапано на ней все, какъ на прочихъ, слова, видать, французскія, — какъ звучать-то? должно на тѣхъ барынь шикарныхъ похоже...

— Что ее отсылать-то, Сверчукъ,—набирается храбрости Гордѣй Карпычъ,—она лежитъ—ѣсть не проситъ, можетъ, когда пикникъ состряпаемъ, въ лѣсу ее дерганемъ. Кто въ лѣсу слышитъ?

— Въ лѣсу хулиганье всякое,—злбно вспоминаетъ Сверчукъ поднадзорныхъ,—хулиганье эту саму какъ разъ и горланить...

— Ну, ну, отложимъ,—покоряется Гордѣй Карпычъ,—пригорюю скоро опять на свѣжій десятокъ: новыхъ чернушекъ выпишемъ, эту кстати въ обмѣнъ.

Человѣкъ предполагаетъ—Богъ располагаетъ; не пришлось Гордѣю Карпычу скоро выписать новыхъ чернушекъ. Грянули такія событія, до чернушекъ ли? Сверчукъ, озабоченный, но словно повышенный въ чинѣ, то метался по станціи съ красными призывными листками, то нагружалъ въ поѣздъ запасныхъ, то срамилъ на всю базарную площадь какого нибудь опоздавшего насчетъ трезвости:

— Такіе ли дни сейчасъ, чтобы отъ тебя, такой-сякой, ея пахло?

— Етта старая пахнетъ...—божился пошатываясь человекъ,—всю-то жизнь ее пилъ, а она, штопъ тебѣ сразу... и выдохлась!

Гордѣй Карпычъ, въ своей тоскѣ и ожирѣніи нездороваго человекъ, съ трудомъ понялъ, что случилось, и пугаясь, что отъ кого-то ему будетъ плохо за то, что, зная о великихъ событіяхъ, онъ попрежнему ѣсть, пить и торгуется, онъ съ тяжелымъ развалцемъ подходилъ къ каждому поѣзду съ запас-

ными и мальчикъ несъ за нимъ жертву: муку, чай и сахаръ.

Маленькая станція въ нѣсколько дней совсѣмъ измѣнилась: на базарной площади то и дѣло стояли кучками запасные,—вчерашніе, всѣмъ знакомые деревенцы; кричали бабы, плакали дѣти. У самого Гордѣя Карпыча и въ сосѣдней, только что отстроеной лавкѣ—тѣ же запасные, уже съ голубыми походными чайниками, покупали въ дорогу припасы; лавочница, Авдотья Васеевна, маленькая блондинка, съ очень толстыми боками, выпиравшими, какъ подушки, изъ модной, обтянутой юбки, не поспѣвая отпустить, смѣясь и плача, говорила запаснымъ:

— Ужъ вы себѣ сами, родимые, отпускайте, хоть и обвѣсите, чай, вамъ въ послѣдній!

Запасные, чувствуя себя героями, не чинясь клали тирьки и долго и внимательно провѣряли чашки въ-совъ:

— Блинкинъ и Робинзонъ одинъ фунтъ и съ четвертью...

— Господи Боже, Владычица,—причитала у дверей старушенка,—врагъ-то ужъ въ Ладоккомъ, весь ихній флотъ, пальбу слышали...

— Ежели въ Ладоккомъ, тутъ ему крышка, рукой взять, что раковъ...

— Да Ладоккое-жъ, братцы мои, — озеро,—гогочетъ запасной,—ну и тетки—образование!

— Поѣздъ везутъ!—крикнули въ улицѣ.

Запасные бросили карамель на вѣсахъ, стремглавъ слетѣли съ крыльца, за ними поспѣшили къ платформѣ провожающіе, дачники, торговки съ корзинами яблокъ.

Изъ-за лѣса, надъ макушками сосенъ, словно выдыхаемый великаномъ изъ трубки, толчками всплывалъ густой бѣлый дымъ и слышался тяжкій вздохъ паровоза.

Молодцоватый Сверчукъ, кое-кого трогая ножами черной пашки, вѣжливо, но твердо прокладывая сквозь толпу путь запаснымъ:

— Разступитесь, господа, дѣло службы.

Толстая вдова пристава, въ бордовой вязаной кофтѣ съ желтыми пуговицами и хлястикомъ выше талии, стоя отдѣльно на приступочкѣ, держала предъ собою бѣлый носовой платокъ съ такимъ рѣшительнымъ и угрожающимъ видомъ, какъ будто каждый глазъ ея готовился не пустить слезу, а вдругъ выстрѣлить.

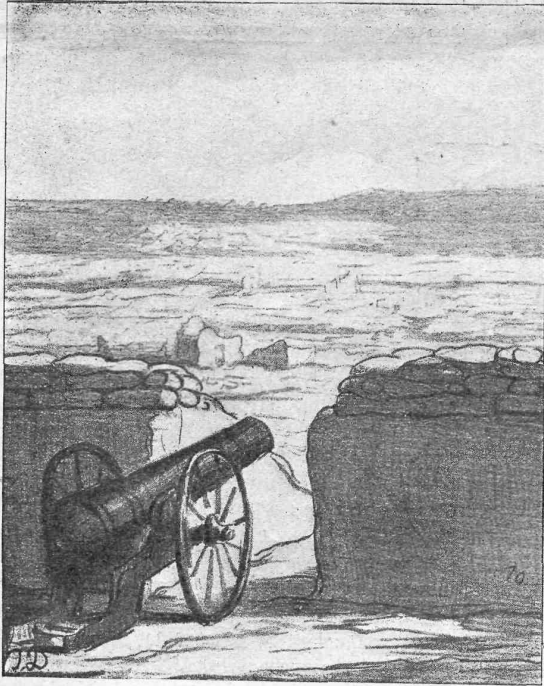
Откуда-то появилась толпа гимназистовъ и барышень съ французскими и русскими флагами.

— Вотъ, Лялечка, наши сосѣди-то труса празднуютъ,—говоритъ одинъ рыжій барышнѣ съ голубымъ шарфомъ,—свою дачу бросили, слѣдъ простылъ, а вывѣску «Waldesruh» замѣнили «Родимой Отрадой».

— А наши знакомые изъ Стендеровъ—вдругъ Подставкины...

Паровозъ, побряхтывая, выставляя узкую, куриную грудь и словно хлопая себя по бокамъ, встаетъ предъ станціей. Безконечные вагоны, уходя за дрова, кажутся многорукими, еще не бывшими чудичами: въ глубинѣ—голова къ головѣ, наружу—защитнаго плѣта руки машутъ фуражками.

— Урр-а,—голоситъ станція, барышни вѣютъ шарфами, гимназисты швыряютъ вверхъ шапки, старушки

О. Домье. Изъ „Альбома осады 1871 г.“.

крестятъ воздухъ, и, привѣтствуя поѣздъ флагами, поютъ гимназисты, кто гимнъ, а кто марсельезу.

Блестятъ зубы на загорѣлыхъ лѣтнихъ лицахъ солдатъ; они уже привыкли къ восторженнымъ встрѣчамъ и съ преувеличенной важностью киваютъ въ отвѣтъ публикѣ, какъ кланяется въ свой бенефисъ заслуженный, слегка утомленный артистъ, и только одинъ высокій, съ рябоватымъ добрымъ лицомъ, стоя на площадкѣ, всхлипывалъ и, широко разводя руки, какъ баба, когда загоняетъ на ночь дыплять, говорилъ:

Все, значитъ, тутъ, все... и больше ничего!

— Урр-а, — кричатъ опять на прощанье, — ра...ра, — катится въ поле, изъ поля въ сосонникъ и словно ухааетъ съ откоса въ рѣчку. Паровозъ сдвинулся и пошелъ. Замахали на платформѣ шарфы, а имъ изъ окошекъ вагоновъ отвѣтно фуражки защитнаго цвѣта въ рукахъ.

Босой мальчикъ Сенька, въ розовой каляной рубашкѣ, вдругъ обезумѣлъ отъ криковъ, гимновъ, солдатъ, припустился бѣжать, на-ходу прыгнулъ на подножку вагона и, не зажимая рта, махая трехцвѣтнымъ флажкомъ, сорваннымъ съ древка, оралъ и мчался Бога вѣсть куда.

— Нн-у, Гордѣй Карпычъ, и дѣла... — сказалъ, входя вечеромъ въ лавку, запыленный и красный, какъ изъ бани, Сверчукъ, — дѣла-то какія! Восемь державъ ужъ воюють, и еще почитай столько-жъ къ войнѣ готовятся; водкѣ крышка пришла, поднадзорнымъ я нонеча честь отдавалъ, обои прaporщикомъ...

— Предпоследніе дни, — сказалъ вздохнувъ Гордѣй Карпычъ, — сѣкира у древа.

— А что, Гордѣй Карпычъ, — подошелъ къ граммофону Сверчукъ, — продохнуть хоть разокъ, вставь иглу новую, на чернушку, на ту... запрещенную, она сейчасъ уже — союзный гимнъ.

— Поди-жъ ты, долежалась, — усмѣхнулся Гордѣй Карпычъ, поставилъ иглу, насадилъ пластинку, смахнулъ пыль съ желтой трубы граммофона и, прижимаясь къ ней всей своей жирной щекой, настороживъ ухо, чтобы не пропустить звука, пустил марсельезу.

И Сверчукъ въ ту же минуту почувствовалъ себя на конѣ командиромъ несмѣтной арміи, ведущимъ полки въ наступленіе; и, когда попадались слова, похожія на русскія, онъ выкрикивалъ ихъ, какъ приказъ къ атакѣ:

— Лапа—три! Тиръ—они!

Ольга Форшъ.

Д. СИДОРОВЪ.

1870-й годъ и ФРАНЦУЗСКАЯ КАРРИКАТУРА.

Въ страшный 1870 годъ Парижъ, сдавленный вражескимъ кольцомъ, испытывалъ всѣ бѣдствія осажденнаго города.

Недостатокъ жизненныхъ припасовъ, отсутствие освѣщенія, разрушительность вражескихъ снарядовъ, смерть тысячъ и тысячъ защитниковъ—все это должно было бы, казалось, убить всякую наклонность къ шуткѣ и смѣху.

Но Парижъ и здѣсь не утратилъ того „веселаго расположения духа, связаннаго съ презрѣніемъ къ вещамъ временнымъ“, которому насъ учитъ Раблэ. Здоровая жизненность націи, „стволь которой разбить, но корни крѣпки“, прорывалась фейерверкомъ злыхъ, веселыхъ, угрожающихъ или забавныхъ жестовъ: уличныхъ листовъ, каррикатуръ, юмористическихъ плакатовъ, брошюръ и т. п.

Въ Парижѣ въ это время работало около 200 художниковъ (Catalogue Jean Berleux, Paris, Lafitte, 1890) необыкновенно продуктивно: насчитывается свыше 170 серій каррикатуръ, каждая серія по 20—30 листовъ, есть же серія, содержащая 80 листовъ. Кромѣ того періодически выходило 43 юмористическихъ иллюстрированныхъ журнала.

По своему художественному значенію эти работы весьма неравны. Преобладаютъ въ подавляющемъ количествѣ рисунки посредственные. Изъ лучшихъ рисовальщиковъ много работали Фостанъ, Молокъ, Майли, брюсселецъ Гійомъ и др., наиболѣе же значительное создано Онорэ Домье и его подражателемъ Камомъ. Для созданнаго ими характеренъ „Альбомъ осады“, содержащій рядъ литографій; здѣсь мы даемъ нѣсколько репродукцій, сдѣланныхъ непосредственно съ оригиналовъ, изданныхъ въ 1871 году журналомъ „Charivari“.

Рисунки Кама знакомятъ насъ легко и занимательно съ положеніемъ вещей въ осажденномъ Парижѣ: толпятся жители предъ мясною лавкою и въ ихъ толпу дружески вмѣшались страшные звѣри изъ зоологическаго сада, долго не подучающіе пища; отсутствие газа заставляетъ выходить на улицу съ большими лампами въ рукахъ; голодъ принуждаетъ дежурить въ очередь предъ водосточной трубой, гдѣ скрывается крыса; въ булочной хлѣбъ пекутъ изъ сѣна; пруссаки разстрѣливаютъ изъ mortarъ гуляющихъ въ Люксембургскомъ саду дѣтей и грабятъ дома, увозя награбленное на „побѣдныхъ колесницахъ“, и такъ далѣе, и т. д.

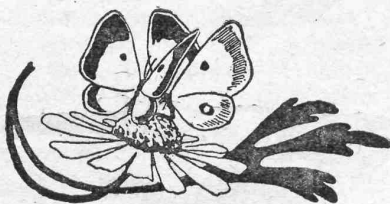
Домье же является величественнымъ и трагическимъ. Онъ

даетъ великолѣпныя олицетворенія страдающей націи, даетъ незабываемое изображеніе 1871 года, принявшаго отъ своего предшественника—1870—трагическое наслѣдство, создаетъ потрясающія картины опустошенія и смерти—пейзажи 1870 года.

Въ этихъ работахъ стараго художника необыкновенно мастерство гибкой и выразительной линіи и ясной композиціи. Онорэ Домье родился въ 1810 г. въ Марсели, въ бѣдной семьѣ; переселившись въ Парижъ, онъ долженъ былъ съ невѣроятными усиліями добывать пропитаніе себѣ и семьѣ, служа на посылахъ у одного адвоката. Его художественное призваніе проявилось рано и, получивъ поддержку съ стороны одного заинтересовавшагося имъ лица, онъ изучилъ литографированіе. Это привело его въ журналъ „великаго открывателя талантовъ“ Филиппона, „Charivari“, гдѣ онъ и работалъ долгое время, создавъ рядъ чрезвычайно мѣткихъ и выразительныхъ характеристикъ своихъ современниковъ, изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества. По своему значенію работы эти являются какъ бы „дополненіемъ къ „Человѣческой комедіи“ Вальзака“ (слова Водлера). Художникомъ исполнено для различныхъ изданій около 4000 литографій, изъ нихъ лучшее—серіями: „Купальщицы“, „Супружескіе нравы“ и др., также рядъ политическихъ каррикатуръ: „Парламентская идиллія“ и др... Въ рисункахъ Домье, живыхъ и красивыхъ по приему, своеобразному, нѣсколько „скульптурному“ (слѣдъ усиленнаго рисованія съ антиковъ Лувра, которому съ увлеченіемъ предавался художникъ въ молодости), всегда отражено насмѣшливо-доброжелательное отношеніе мастера къ человѣческимъ слабостямъ.

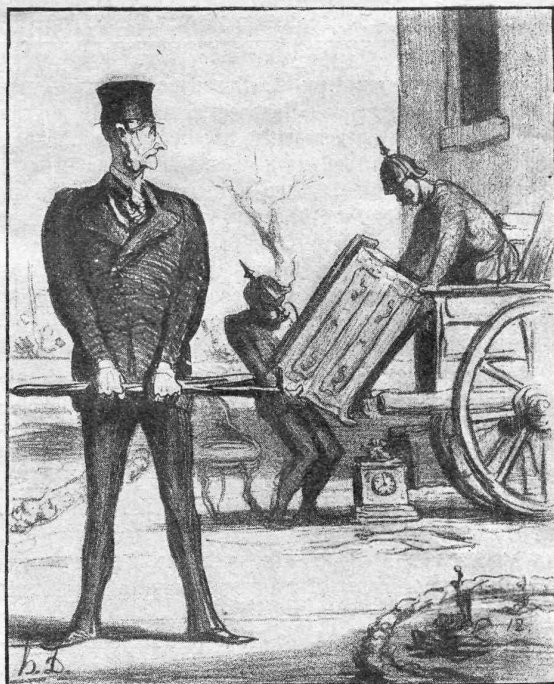
Много вниманія и любви отдавалъ Домье живописи, видя въ ней главное свое призваніе. Въ этой области онъ достигъ результатовъ поразительныхъ, создавъ рядъ картинъ съ высокими колористическими и композиціонными заданиями. Вліяніе искусства Домье огромно, какъ на современниковъ, такъ и на послѣдующія поколѣнія. Современное искусство наше обязано ему многими своими наиболѣе счастливыми достижениями, и, кажется, желаніе Сезанна „сдѣлать импрессионизмъ солиднымъ, какъ музейная живопись“, преднамѣчено уже работами Домье-живописца. Умеръ Домье 11-го февраля 1879 г. въ Вальмонда, близъ Парижа.

Д. Сидоровъ.

Камъ. Въ Парижъ ночью.
Изъ „Альбома осады 1871 г.“.

О. Домъ. Германскіе трофеи.
Изъ „Альбома осады 1871 г.“.

Е. ПСКОВИТИНОВЪ.

† АКАКІЙ ЦЕРЕТЕЛЛИ.

Умеръ Акакій Церетелли!

По всей Грузіи эта вѣсть отозвалась болью въ сердцахъ знавшихъ, чтившихъ семидесятипятнадцатилѣтняго старца. Современная война, такъ близко коснувшаяся Грузіи, не заслонила для населенія сознанія огромной утраты. Русскія газеты посвятили поэту обширные некрологи, и только благодаря имъ широкая публика узнала, кѣмъ былъ не только для грузинской, но и европейской литературы поэтъ, беллетристъ и драматургъ Акакій Церетелли, написавшій за свою жизнь 22 тома.

Я встрѣтился и познакомился съ нимъ въ редакціи грузинской газеты „Теми“, гдѣ происходили собранія и собесѣдованія грузинскихъ писателей. Когда я входилъ, Акакій Церетелли кончалъ читать свою послѣднюю драму изъ народной жизни, которая впоследствии и была напечатана въ „Теми“.

Меня поразило его лицо. Все обрамлено сѣдыми волосами, сѣть морщинъ, а глаза живые, темные, совсѣмъ молодые. Голосъ также молодой. А когда онъ поднялся съ кресла, по его походкѣ чувствовалось, что старость уже даетъ себя знать. Но глаза горѣли свѣтло подъ поблѣвшими бровями. И поразило меня любовное отношеніе къ нему присутствующихъ, — отношеніе дѣтей къ отцу, патриарху.

Когда онъ шелъ или ѣхалъ по улицамъ Тифлиса, слышалось:

— Акакій идетъ! Акакій ѣдетъ!

Такъ велика была его популярность. И понятно. Вся

грузинская исторія, вся душа и страданія грузинскаго народа были впитаны имъ, пережиты и отражены въ творчествѣ.

Родился Акакій Церетелли въ 1840 году, въ Кутаисской губерніи, въ родовомъ княжескомъ имѣніи Сачхери, среди садовъ и виноградниковъ. Первоначальнымъ воспитаніемъ его руководила мать, внучка имеретинскаго князя Соломона.

Съ Россіей его непосредственное знакомство началось съ 1856 года, когда онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, на восточный факультетъ. Затѣмъ онъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и женился.

Любовь къ литературѣ у А. Церетелли проявилась въ раннемъ дѣтствѣ. Мальчикомъ онъ написалъ пьесу бытового характера изъ помѣщичьей жизни; пьеса имѣла успѣхъ на сценѣ, но авторъ сжегъ ее. Также поступалъ онъ позже и съ другими, признаваемыми имъ слабыми, произведеніями.

Впервые онъ сталъ печататься въ 1858 году. Это были стихотворенія, носившія общее заглавіе „Народныя пѣсни“. Восемнадцатилѣтнему поэту они сразу создали имя въ Грузіи.

Реформы Александра II не остались безъ слѣда для молодого поэта — энтузіаста. И въ грузинскихъ газетахъ онъ печатаетъ горячія статьи, посвященныя этимъ реформамъ.

„Оригинальные свойства его писательской манеры — ядовитый сарказмъ и добродушный юморъ, мягкій лиризмъ и тонкій анализъ внутренняго міра, скорбная нотка по поводу крушенія идеаловъ и надеждъ“ — эта фраза историка и

знатока грузинской литературы А. Хаханова характеризуетъ все послѣдующее литературное творчество Акакія Церетелли.

Многія лирическія произведенія Церетелли стали народными и застольными пѣснями и переложены на музыку. Творчество „Акакія“ было близко и понятно какъ интеллигенту, такъ и простолюдину-грузину, и теперь его стихи поются, словно они выросли вмѣстѣ съ самимъ народомъ.

На первыхъ поэтическихъ произведеніяхъ Церетелли чувствуется вліяніе Пушкина и Лермонтова, которыхъ „Акакія“ самъ признавалъ своими „литературными отцами“. Но потомъ это вліяніе совершенно растворяется въ самобытности таланта, и крупнаго таланта, А. Церетелли. Онъ къ сожалѣнію до сихъ поръ переведенъ на русскій языкъ лишь частично (Ив. Тхоржевскимъ—„Грузинскіе поэты въ образцахъ“, 1897 г., В. Величко—„Восточные мотивы“, 1890 и 1894 гг., и В. Лебедевымъ—„Вѣстникъ Иностр. Литературы“). Между тѣмъ, какъ ни національна поэзія Церетелли, она и общечеловѣчна.

Какъ драматургъ А. Церетелли извѣстенъ историческими пьесами и бытовыми, какъ беллетристъ—многими повѣстями и разсказами психологическаго характера.

А. Церетелли былъ и публицистомъ, и выступалъ не однажды какъ лекторъ. Своими лекціями онъ популяризовалъ поэму Шота Руставели „Варсова кожа“: послѣ его чтеній „Варсова кожа“ какъ-то воскресла, ею занялись и стали издавать.

Съ 1898 по 1900 годъ А. Церетелли редактировалъ собственный журналъ „Кребули“, въ которомъ знакомилъ грузинское общество съ народной поэзіей какъ въ оригинальныхъ образцахъ, такъ и въ собственной литературной обработкѣ.

Не только стихи его, пѣсни, но и отдѣльные изреченія, фразы, сдѣлались народными поговорками. Афоризмы его и анекдоты вы услышите въ каждомъ грузинскомъ домѣ. Вездѣ имя „Акакія“ произносится съ благоговѣніемъ и улыбкой. Весь народъ грузинскій справедливо считаетъ его своимъ „патріархомъ“, котораго любить, съ которымъ вмѣстѣ радуется солнцу. Вплотную „Акакія“ подошелъ къ народу. Надо замѣтить, что грузинскій языкъ—литературный и народный—одно. Тамъ нѣтъ нашего раздѣленія языка на „разговорный“ и „литературный“. И потому въ Грузіи каждый полуграмотный крестьянинъ пойметъ своего роднаго писателя и поэта, какъ бы интеллигентенъ онъ бы ни былъ. И тѣмъ болѣе понятна популярность крупнѣйшаго, создавшаго школу, поэта, беллетриста, публициста и драматурга XIX вѣка въ Грузіи, Акакія Ростомовича Церетелли.

О. Домье. Кривіе корни Франціи.
Изъ „Альбома осады 1871 г.“.

Никогда не забуду его яснаго взгляда, приветливой улыбки. И голоса четкаго, но мягкаго, какъ говорить у насъ въ деревнѣ, „нутряного“ голоса.

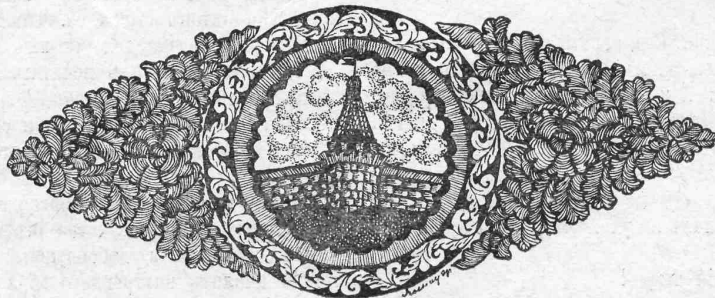
— Старъ сталъ нашъ Акакія,—сказалъ князь Діосамидзе, проводивъ Церетелли и вернувшись въ „редакторскую“,— но все бодрится.

— Милый нашъ старикъ,—добавилъ поэтъ Макашвили (Макаевъ),—и все работаетъ безъ усталости. Пишетъ и пишетъ, талантливо, какъ молодой.

Дѣйствительно, до самой смерти 75-тилѣтній А. Церетелли не оставлялъ пера. Умеръ онъ въ своемъ родномъ уголкѣ „Сачхери“.

Вѣчная ему память!

Е. Псковитиновъ.

Тридцатые годы.

Съ рис. М. Нечитайло-Андреевко.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Полемика и дѣйствительность.

Бываетъ, что писатели пишутъ для читателей, а бываетъ, что и другъ для друга. Это послѣднее—великая скука и необходимость. Еще не значитъ, что писатели пишутъ другъ для друга, если они спорятъ между собой. Когда высказываются разныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, читатели интересуются, то споръ можетъ быть и важенъ, и поучителенъ, можетъ къ чему нибудь вести. Но бѣда въ томъ, что русскіе писатели (по многимъ, отъ нихъ независимымъ причинамъ) спорить о предметѣ не умѣютъ: для общественнаго спора нужна внутренняя дисциплина, выдержка, сознательная ответственность предъ собою за собственныя слова, за свободно высказываемое мнѣніе. Все это писателямъ нашимъ положительно некогда было приобрести.

И вотъ очень быстро всякій нашъ общественный споръ доходитъ до неудовимой черты, за которой уже дѣло мѣняется. Прежде всего—исчезъ „предметъ“ спора; съ нимъ вмѣстѣ вылетѣлъ изъ игры и читатель; спорщики видятъ только другъ друга,—ничего и никакого больше. Да и спора въ сущности уже нѣтъ, остается „русская полемика“, т. е. нѣчто (по остроумному опредѣленію одного изъ самихъ же

полемистовъ), не имѣющее никакого отношенія къ дѣйствительности.

Вотъ ужъ именно никакого! Общественное дѣло кончилось, начались „дѣла семейныя“, сужденія и подсиживанья полупличнаго свойства, съ какими-то намеками на то, чего не вѣдаетъ никто, и всѣхъ менѣе читатель, который просто мретъ со скуки. Читателю все равно, кто хуже, Сидоровъ или Ивановъ; вотъ если бы Ивановъ и Сидоровъ спорили о какомъ нибудь общемъ дѣлѣ, разво смотря на него, разво о немъ думая, читатель бы слушалъ, судилъ, кто правъ, кто неправъ. Но Ивановъ думаетъ только о Сидоровѣ, Сидоровъ—объ Ивановѣ; грызутся свои собаки, а читатель—чужая, ему нечего и встрѣвать.

Но, можетъ быть, „русская“ литературная полемика производитъ хоть какое нибудь отрицательное дѣйствіе, вноситъ въ жизнь хоть зло, родитъ на примѣръ личную вражду, борьбу между Ивановымъ и Сидоровымъ? Отнюдь. Она совершенна въ своемъ неимѣніи „отношенія къ дѣйствительности“. Бываетъ конечно, что писатели помельче, послабѣе, почувствительнѣе разведутъ обиды и дуются другъ на друга нѣкоторое время; но серьезные Ивановы и Сидоровы слишкомъ хорошо понимаютъ, что воистину никакого это не имѣетъ отношенія къ дѣйствительности. Такъ и сами говорятъ другъ другу въ здравый моментъ.

Помѣстье гр. Потемкина «Вилляновъ» подѣ Варшавой.

Зачѣмъ же эта потеря времени, чернилъ, типографской краски и всего прочаго, что стоитъ силъ и денегъ? Господа англичане, господа американцы, мы когданибудь научимся цѣнить и время, и деньги, и вниманіе читателя, но сейчасъ мы еще молоды, и школа у насъ была такая... ничему не учащая. Больше: если мы чтонибудь имѣемъ, то приобрѣли ей „вопреки“. Ни выдержки, ни сознанія общественной отвѣтственности, ни длительного вниманія къ „предмету“, къ дѣлу, намъ неоткуда было взять, а сразу не дается. Мы именно такъ приучены, что „все Жюмиви да Жюмини, а о дѣлѣ ни полслова“. Если ты—писатель, пиши „внутромъ“, а дѣлай, что хочешь, никто тебѣ—не указъ, только на улицѣ не нарушай тишины. Недаромъ англичане еще недавно удивлялись нашей личной „свободѣ“, удивлялись, что у насъ каждый живетъ, не считаясь съ жизнью другого. Что же дѣлать? Повторяю, къ этому приучены. И слава Богу, если хоть немножко разбираемся, что имѣетъ отношеніе къ дѣйствительности, что нѣтъ.

Читатель—это въ нѣкоторомъ родѣ очень серьезная дѣйствительность. Пусть подумаютъ о немъ Ивановъ и Сидоровъ. Имъ же будетъ хуже, если, пока они другъ съ другомъ бранятся, читатель тихо умретъ со скуки.

Меценаты.

Книгоиздательство „Сиринъ“ приказало долго жить, существовавъ всего два года. Затѣяно оно было очень широко, съ непривычной для русскихъ издательствъ роскошью.

Роскошью, надо замѣтить, ненужною. Кругъ писателей, къ которымъ „Сиринъ“ благоволилъ—Брюсовъ, Сологубъ, Андрей Вѣлый, Блокъ, Ремизовъ и другіе—безъ того страдаютъ отъ нѣкотораго аристократизма. Изданія ихъ сочиненій въ пятидесяти томахъ, на „слоновой“ бумагѣ, искусственно замыкало ихъ въ кружковщинѣ избранниковъ.

Но издатель богатъ и, какъ роскошествующій меценатъ, не могъ отказаться отъ аристократизма. Оставалось утѣшаться, что нѣсколько талантливыхъ писателей нашли хорошаго издателя и какъ будто надолго.

Однако изысканный меценатъ оказался такимъ же капризнымъ, какъ и большинство русскихъ меценатовъ. Заварилъ густо, и ничего не закончилъ. Такъ Брюсовъ и не дождался своего полнаго собранія сочиненій! И произошло это въ самыя тяжелыя времена для русскихъ писателей, именно тогда, когда „меценатъ“ могъ принести особенную пользу русской книгѣ, потому что онъ не зависитъ отъ „спроса“, отъ „конъюнктуры рынка“.

Въ концѣ концовъ и такіе люди, какъ графиня С. В. Панина,—тоже „меценаты“! Но какая глубокая разница. Кому можетъ придти въ голову, что она когданибудь броситъ свой „народный домъ“, который ей стоитъ до 40 тысячъ въ годъ? Она создала громадное дѣло и беззавѣтно служилъ ему, забывая о себѣ.

Вѣдныя русскіе писатели! Почему это съ ними „играютъ“ всяческіе меценаты? Сегодня поиграютъ, а завтра надоѣло—и бросятъ. Былъ „Сиринъ“ и сплылъ „Сиринъ“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ (36-й годъ изданія)
на двухнедельный (20 №№ въ годъ) журналъ

„ЭЛЕКТРИЧЕСТВО“

Журналъ „Электричество“ издается VI (Электротехническимъ) Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества съ цѣлью распространенія свѣдѣній о современномъ состояннн ученія объ электрической энергн и объ ея приложенихъ въ потребностяхъ жизни, техники и промышленности. Журналъ редактируется особымъ редакционнымъ комитетомъ, избраннымъ VI Отдѣломъ.

Программа изданія: 1) Состоянне и развитіе электротехники и электрической промышленности въ Россіи и за границей. 2) Отчеты о дѣятельности VI (электротехнической) отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 3) Теорія и практика электричества и его примѣненія. 4) Теорія и практика областей техники, связанныхъ съ электротехникой: паровъ и газовъ машины, турбины, гидравлическія сооружения, подъемники, пути сообщенія и т. д. 5) Технич. оборудованіе, устройство и эксплуатація электрич. сооружений, статистика. 6) Обзоръ литератур., хроника, мелкія извѣстія, привѣтн и письма въ редакцію. 7) Критика и библиографія сочин. по электротехникѣ.

Подписка принимается въ Редакціи, въ Техническомъ Обществѣ (Петроградъ, Пятый-Моховская), во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ почтовыхъ учрежденіяхъ въ Россіи и за границей.

Подписная цѣна: за годъ—8 руб., за полгода—5 руб. За границу—12 руб. Отдѣльные №№ продаются въ редакціи по 60 коп.

Студентамъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, представившимъ соответствующія свидѣтельства, журналъ высылается за 4 руб. въ годъ. Адресъ редакціи: Петроградъ, 7-ая Рождественская, 4, нв. 26. Тел. 200-41.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (4-й г. изд.)

еженедѣльный иллюстрированный художественно-литературный журналъ

„ЖИЗНЬ“

выходящій въ г. Казани.

Журналъ освѣщаетъ всѣ текущія событія въ Россіи и заграничии. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщены произведенія: Ан. Амнуль, Астраханцева, Н. Брешко-Брешковскаго, д-ра В. Бѣляева, д-ра В. Бузунова, Волгаря, В. Васильковой, В. Вячеславскаго, А. Галкина, С. Гортинскаго, Л. Гумилевскаго, О. Дымова, Н. Ильина, И. Ивина, В. Ильшева, Н. Куприна, К. И. Калинина, прис. пов. Лебидника, Н. Лѣскова, И. Лаврентьева, П. Михайловича, И. Морозова, Милорада Петровича (серб. писат.), Э. Ожешко (польск. пис.), кн. Н. Огяева, Пшешевскаго (пол. пис.), Н. Скворцова, С. Семенова-Волжскаго, кн. С. Трубецкаго, Тубякъ-Чирковскаго, Н. Твардовскаго, П. Тодорова (болгар. пис.), Е. Чиркова, Ю. Юшкова, А. Шевалье (бельг. пис.), Я. Эрнстонъ (англ. пис.).

Въ художественномъ отдѣлѣ произведенія: Б. Анисфельдъ, А. Велуа, И. Виллибина, акад. Е. Волкова, В. Васнецова, А. Гаушъ, В. Звѣрева, проф. Д. Кардовскаго, К. Костанди, Г. Лукомскаго, Е. Лансере, Н. Лансере, Д. Митрохина, С. Милорадовича, А. Мантель, К. Петрова-Водкина, Н. Рерихъ, А. Семеновъ, Н. Самокишъ, А. Таланцева, В. Чемберсъ, С. Яремичъ. Собственные корреспонденты на войнѣ. Соб. цинкографія исполняетъ фотогр. снимки эпизодовъ войны, присылаемые сотрудниками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—2 р. 50 к., на 6 мѣс.—1 р. 35 к., на 3 мѣс.—70 к., на 1 мѣс.—25 к. Адресъ редакціи и конторы: Казань, Проломная, 27.

Открыта подписка на 1915 годъ (VIII-й годъ изданія)

„ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ, посвященный всѣмъ отраслямъ терапіи

подъ редакціей:

д-ровъ мед.: А. И. ГРИНФЕЛДА, К. Н. ПУРИЦА и И. Ф. САБАНЬЕВА.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ размѣрѣ 3—4-хъ печатныхъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Оригинальныя статьи.—Критическіе обзоры.—Новости терапіи и терапевтическія замѣтки.—Изы практической.—Бальнеологическій отдѣлъ въ редакціи д-ра Е. М. Врусилоскаго.—Отдѣлъ рифератовъ въ редакціи д-ра Е. М. Бихмана.—Корреспонденціи изъ русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ обществъ и съѣздовъ.—Новости медицинскон техники.—Библиографія.—Письма въ редакцію.

Подписная цѣна: На годъ—4 р., на 1/2 г.—2 р., на 1/4 г.—1 р.

Подписчики 1914 г., уплатившіе сполна годовую плату и возобновившіе подписку на 1915 годъ, уплачиваютъ лишь 2 р. 25 к. за весь годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Одессѣ—въ конторѣ журнала: Екатерининская ул., № 2, въ Москвѣ—въ отдѣленн конторы журнала „Терапевтическое Обозрѣніе“: Б.-Полянка, № 55, и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и нижнихъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Подробные проспекты о подпискѣ на журналъ и перечень изданій высылаются по требованію бесплатно.

СТО КНИГЪ

Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Чехова, Андреева, Горькаго, Надсона, Золя и Мопассана высылаются за р. 50 к. Принимаются гербовыя и почтовыя марки. Для ознакомленія одна книга высылается даромъ (не надо ни марокъ, ни денегъ). Книгоиздательство „Источникъ Свѣта и Знанія“, Петроградъ, 8-ая Рождественская улица, д. № 52—19. 1823

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (9-й г. изд.) НА ЖУРНАЛЪ

„НОВОЕ въ МЕДИЦИНѢ“

выходящій въ Петроградѣ 2 раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ.

ЦѢНА журнала съ пересылкой въ Россіи ТРИ (3) р. въ годъ. ЖУРНАЛЪ ИЗДАЕТСЯ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Годовымъ подписчикамъ въ 1915 году будутъ разосланы въ видѣ безплатнаго приложениа, по мѣрѣ выхода, портреты выдающихся врачей и естествоиспытателей, отпечатанные въ два тона, на мѣловой бумагѣ.

Пробные №№ высылаются за три 7-минов. марки.

Адресъ редакціи и конторы журнала: Петроградъ, Кузнечный пер., 18. Телефонъ № 658-31.

Издательство Т-ва „Новое въ Медицинѣ“. Редакторъ Д-ръ Е. С. Таль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (7-й г. изд.)

на первый въ Россіи большой еженед. богатый-иллюстр. журн., посвященный всѣмъ видамъ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО СПОРТА.

„РУССКІЙ СПОРТЪ“

удостоенный ВЫСОЧАЙШЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ (отношеніе) министра Императорскаго Двора отъ 5-го сентября 1914 г. за № 10634) и награжденный на спортивной выставкѣ въ МОСКВѢ ЗОЛОТОЙ медалью.

Въ 1914 году журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: автомобилизмъ, атлетику (легкую и тяжелую), боксъ, борьбу, гимнастику, велосипедъ, воздухоплаваніе, водный спортъ (плаваніе, гребля), конный спортъ, мотки, крикетъ, лаунъ-теннисъ, лыжи, охоту, конной, футболъ, фехтованіе и пр.

Основная задача журнала, помимо освѣщенія читателей на всѣхъ областяхъ спортивной жизни, — содѣйствіе идейному руководству русскимъ спортивнымъ движеніемъ и распространенію здравыхъ и истинныхъ взглядовъ на спортъ и на его роль въ дѣлѣ физическаго развитія и воспитанія. Поэтому главное вниманіе редакціи, наряду съ информацией, будетъ уделено руководящимъ статьямъ повсѣмъ видамъ спорта и физическаго развитія. Въ виду все большаго и большаго распространенія спорта въ русской арміи и среди учащейся молодежи, редакція отводитъ въ журналѣ мѣсто особымъ отдѣламъ: 1. Спортъ въ арміи. II. Спортъ въ школѣ.

Подписная цѣна на журналъ: Годъ 10 р., 6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 м.—1 р., съ доставкой и пересылкой. За-границу—вдвое. Допускается разсрочка годовой платы: при подпискѣ 4 руб., къ 1-му марта и 1-му апрѣля по 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ журнала—Москва, Б. Козьминскій п., № 8, и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ столицъ и провинціи. Пробный номеръ журнала высылается за 3 семикопеечныхъ марки.

Открыта подписка на 1915 г. (3-й г. изд.) на ежедневную газету

„ПРИДУНАЙСКІЙ КРАЙ“

Наряду съ вопросами общественаго характера „Придунайскій Край“ ставитъ своей задачей освѣщеніе вопросовъ мѣстной жизни, а также отстаиваніе интересовъ Южной Бессарабіи. Постоянные корреспонденты въ Бессарабіи и сосѣдней Румыніи.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ—8 р. 50 к., на полгода—4 р. 75 к., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—90 коп. Редакція газеты: „Придунайскій Край“—Измаиль, Бессарабія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (11-й г. изд.) на общественно-политическую и литературную еженедѣльн. ГАЗЕТУ

„РАЗСВѢТЪ“

посвященную еврейскимъ интересамъ.

Постоянные отдѣлы „РАЗСВѢТА“

1) Руководящія статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни. 2) Научно-публицистическій отдѣлъ. 3) Литературно-библиографическій отдѣлъ. 4) Обзоръ еврейской печати. 5) Обзоръ русской печати. 6) Евреи и война. 7) Палестина и Востокъ. 8) Изъ жизни провинціи. 9) Въ государственной Думѣ. 10) Заграничныя корреспонденціи. 11) Юридическій отдѣлъ. 12) Хроника еврейской жизни въ Россіи и за рубежомъ ея. 13) Наше правовое положеніе. 14) Сионистская недѣля. 15) Фельетонъ. 16) Маленькій фельетонъ. 17) Иллюстраціи. 18) Научный фельетонъ.

Подписная цѣна:

На годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к., на три мѣсяца—1 р. 25 к.

Подписка принимается съ и до 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Торговая, 11.

Пробный № высылается по первому требованію бесплатно.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г. (34-й г. изд.)

„РЕБУСЪ“ „СТАРѢЙШІЙ въ РОССІИ ЖУРНАЛЪ“

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатія, ясновидѣніа, передача мыслей, раздвоеніа личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, гипнотизма и спиритизма; изслѣдовъ въ области древней и новой мистики; теософіа, масонство и т. п. спорные вопросы науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ, выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаютъ пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ: совѣты, разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ.

Подписная цѣна: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., за границу на годъ—6 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала—Бол. Дорогомил. ул., у Воронинскаго моста, домъ № 3 (телеф. 2-28-93) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательно ли получать журнал „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами
 полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, или БЕЗЪ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ съ 82-мя или 50-ю книгами сочинений Л. Н. Толстого.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцію Д. В. ФИЛОСОВОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

- РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:**—„Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казаки“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Поликушка“.—**РАЗСКАЗЫ:**—„Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холстомѣръ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревьяхъ“.
- ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:**—„Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней все качества“.
- ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:**—„Халджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволь“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василій“, „Кто убійца?“, „Гермонахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч.—**ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:**—„Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Кающійся грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.
- РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:**—„Исповѣдь“, „Въ чѣмъ моя вѣра“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чѣмъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.—**КРУГЪ ЧТЕНІЯ.**—**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.—**ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1910 году
 ввидѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедельникъ, поставившій себя цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событий, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонко-художественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, В. Верхоулинскаго, З. Гиппиусъ, С. Городецкаго, Л. Добровольскаго, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачарова, Д. Крачковскаго, Д. Ключкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезина, П. Соловьева, Ф. Сологуба, А. Чалыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: В. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Иренина, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробинъ, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:
 52 №№ художеств.-литературн. журнала и
 82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
 Л. Н. ТОЛСТОГО.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к.
 ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать
 АКЦ. ОБЩ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массою рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія міровой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. „СМѢХЪ и САТИРА“, а также илл. отдѣла

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод.), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
 Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. 7 р. 50 к.
 ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и

50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
 ЛЬВА НИК. ТОЛСТОГО
 (т. е. за исключен. его философск. произведеній)
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб.
 ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особое вниманіе на тщательность печати и изящество
 внѣшнего вида полного собранія его сочиненій.

ДК 26